

ВТОРОЙ АРЕСТ

Не останавливаясь на массовых арестах 1930 – 1932 гг., Пензенское ГПУ начало следствие по вновь сфабрикованному делу «о ликвидации контрреволюционно-монархической группировки в Пензе, Пензенском, Лунинском, Телегинском, Нижнеломовском, Каменском, Иссинском районах, где руководящим ядром являлись попы и церковники г. Пензы». Следствие длилось в течение 1933 – 1934 гг., а когда закончилось, материалы дела составили два объемных тома, переработать которые стоило большого труда. По названным районам были арестованы 31 человек, среди них – известные и старейшие священники епархии Николай Андреевич Касаткин, Иван Васильевич Лукьянов, Анатолий Павлович Фисейский, иеромонах Нифонт (Беззубов-Пурилкин), многие монахи и миряне. Еще большее число лиц по этому делу было допрошено, это епископ Кузнецкий Серафим (Юшков), досрочно освобожденный из концлагеря известный священник Николай Васильевич Лебедев, тайные монахини, верующие, колхозники. Число участников вымышленной группировки, как было сказано в деле, составило 200 человек.

В первую очередь события развернулись вокруг церкви Рождества Христова в пригороде Конная Слобода. Это район от нынешнего автовокзала до поселка Бугровка, а церковь, снесенная в 30-е годы, находилась непосредственно на месте Гусиловского рынка. В 1932 – 1934 гг., когда Мироносицкая церковь была в руках обновленцев, Митрофановская – в руках григорианцев, а остальные

храмы на территории Пензенской области были закрыты, церковь в Конной Слободе была единственным православным храмом, где сосредоточивалось староцерковное духовенство епархии. Настоя-

Церковь Рождества Христова. Фото из коллекции И. С. Шижкина

телем храма, исполнявшего тогда роль кафедрального, был назначен один из старейших священников епархии о. Иоанн Васильевич Лукьянов. Кроме штатного духовенства, в храме совершали службы странствующие священники, собирались средства ссыльному духовенству, здесь же находили пристанище странники и нищие, различного рода блаженные, которых по благословиению отца Иоанна Оленевского кормили обедами. Среди духовенства и верующих коннослободской церкви устоялось общее мнение, что советская власть есть власть антихриста, что скоро будет Страшный суд на земле и все неверные, позабывшие Бога, понесут наказание. Атмосфера вокруг храма была навеяна духом последних времен, усиленно муссировались слухи о конце света, к чему располагали ужесточившиеся гонения на веру христианскую. Но враг рода человеческого — диавол свирепствует именно там, где больше благодать. Этот единственный православный храм стал еще и злачным местом для разного рода самосвятых, проходимцев и мошеников, которые под видом «подвижничества» старались погреть руки на церковной казне и раздували свой авторитет среди верующих. Дело

Епископ Серафим (Юшков)

дошло до епископа Кузнецкого Серафима (Юшкова), который, за неимением в Пензе архиерея (епископ Кирилл находился в ссылке), управлял Пензенской епархией и чуть было не отстранил коннослободскую церковь от молитвенного общения. Вся эта ситуация живо обратила на себя внимание ГПУ, и первые массовые аресты в Пензе по делу № 9671 начались именно здесь.

О связях оленевского старца с коннослободской церковью говорят следующие факты. 29 декабря 1933 года был арестован псаломщик церкви в Конной Слободе Александр Ананьевич Шурунов, 1908 г. р. В ходе следствия ему вменялось в вину следующее: «Организация и руководство контрреволюционной молодежной церковной группой, антисоветское истолкование книги Нилуса «Протоколы сионских мудрецов», поддержание связи и получение рекомендаций от активного члена организации дьякона Калинина Ивана Васильевича». 28 февраля 1934 года Александр Ананьевич был приговорен к 3 годам концлагеря. Был репрессирован и отец Александра Ананий Васильевич, рабочий-столяр. Далее, староста коннослободской

Отец Иоанн Оленевский. 1920 г.

церкви Осип Плешаков, неоднократно посещавший старца, показал: «Целью посещения Калинина явилось увидеть его и поговорить с ним, как с человеком, авторитетным в церковном мире. Кроме того, по совету настоятеля Лукьянова я имел намерение подыскать через Калинина второго священника для конногородской церкви». Этим вторым священником стал назначенный по благословению старца Иоанна протоиерей Николай Касаткин. В показаниях самого отца Николая, не признавшего авторитет Иоанна Оленевского, говорится, что «Калинин Иван в глазах пензенских церковников, в частности, причта конно-городской церкви стоял фактически выше правящего епископа Серафима». Настоятель коннослободской церкви о. Иоанн Лукьянов, фактически управлявший в то время епархией, для разрешения различных вопросов часто направлял своих прихожан к оленевскому старцу.

В 1934 году отец Иоанн проживал в Оленевке, видимо, у своей двоюродной сестры Натальи, где он был арестован 30 января того же года. Перед арестом в его келье произвели обыск, в ходе которого изъяли следующие предметы: «поповская риза – 1 шт., поповский фартук – 1 шт., комплект дароносицы – 1 шт., пояс для ризы – 1 шт., нарукавники – 1 пара, кадило медное – 1 шт.». Святой старец был доставлен в следственный изолятор города Пензы, а найденные у него предметы были использованы как вещественные доказательства и отправлены в камеру хранения ГПУ.

В тот же день, 30 января 1934 года диакон Иоанн Калинин был допрошен следователем и показал: «С самого детства я в своем селе Оленевка веду сподвижническую жизнь; мое поведение как сподвижника, весь образ моей жизни создает обо мне славу как о праведнике и прозорливце, но сам я знаю о себе – этого во мне нет. Видя, что народ меня считает за праведника и прозорливца – я его не разубеждал в этом. Вследствие этого с дореволюционного времени ко мне очень многие ходили из ближних и далеких мест, ходили за советами по самым разнообразным вопросам и поводам. Начиная с того, примерно: можно ли выйти замуж или жениться и кончая тем, что делать тем, кого обидела советская власть – раскулачила или выслала, или обложила налогами и т. д. Всем, кто приходил ко мне с жалобами или за советами, я давал эти советы, успокаивал и призывал к терпению. Из таких лиц, которые меня посещали чаще других и которым я давал советы, помню следующих: Плешаков Осип Иванович, староста конногородской церкви, который просил у меня благословения принять в их церковь популярного в г. Пензе священника Касаткина Николая. Во второе посещение он у меня просил совета, как организовать общественные обеды для старцев и странников, группирующихся вокруг конногородской церкви. По его словам, эти обеды организовать рекомендовал Кузнецкий Епископ Серафим. На это я ему ответил, что раз власти пока не препятствуют, то это дело хорошее и его надо делать.

В третье посещение он мне доложил, что дает какому-то безсоновскому старцу из церковных сумм деньги на содержание старцев-пещерников. Когда же попросил этого старца показать ему старцев, то Федор это сделать отказался. Я в этом деле усмотрел простое мошенничество и Плешакову О. И. запретил давать деньги. Плешаков О. И. мне систематически оказывал материальную помощь хлебом, сахаром и другим продовольствием, присылая его через церковного фанатика Шашина Осипа.

Шашин Осип и Шурунов Александр – регент конногородской церкви обращались ко мне за советом выполнять ли им предложения ссыльного иеромонаха Нектария Немчинова о пострижении в

монахи. Я их на это не благословил. Кузьмин Илья два раза приходил ко мне как к популярному старцу с той целью, чтобы я признал его как пророка Илью. Я с этим согласиться не мог, т. к. усмотрел в нем мошенника, своевольно толкующего Евангелие и намеревавшегося в своих целях использовать мой авторитет. После этого Кузьмин ходить ко мне не стал, но отбил у меня часть моих поклонниц: Кучеровых Евдокию, Анну и их брата Афанасия, Бересневу Анну и Макаровых Аксиною и Антонину. Так же я не стал принимать и мою последовательницу Давыдову Марфу, которая признала Кузьмина Илью и объявила себя Христовой Невестой.

Сторож конногородской церкви Степанов приходил ко мне за советом, как ему быть с сыновьями, которые его не слушаются. Из Кучек была ссыльная монашка мать Евгения по дороге в Пензу. Она мне говорила, что едет от священников с поручением к Кузнецкому Епископу Серафиму. Попутно я ей поручил договориться с Серафимом о том, чтобы он мне разрешил надеть монашескую скуфью. Но обратно она ко мне не зашла, и ответа от Серафима не получил.

Старец Ермолай Иванович фамилии не знаю, происходит из с. Телегино. Приходил просто проведать. Говорил мне, что во дворе имеет земляночку, в которой молится. На это я отозвался одобрительно, высказав сожаление, что настолько ослаб, что не могу вырыть для себя такой земляночки.

Почтарев Михаил Сергеевич из с. Кучек приходил исключительно оказывать материальную помощь. Теребилкина Евдокия Николаевна из с. Кучек ходит ко мне как почитательница. Она же меня познакомила со своим племянником Теребилкиным Александром Григорьевичем (работает на велозаводе), который регулярно меня посещает и оказывает мне мелкие услуги: вставляет окна, чинит двери, дворик и т. под.

Трифонов Емельян Константинович беседовал со мной в церкви, он мне не понравился и я рекомендовал ему продолжить свой путь. Неоднократно ко мне приходила старушка Александра из Кронштадта, б[ывшая] племянница Иоанна Кронштадтского, и я ее принимал как не имеющую приюта.

Логинов Михаил Федорович из Р. Норки приходил как последователь. Никогда я ему советов как вести работу против колхозов не давал.

Пронин Григорий, Маслов Филипп, «Варенька», Алексей «Загоскинский», «Апостол» Петр Богородский никогда у меня не были, и я к себе не принимал.

В г. Пензе был только в 1932 г. летом, приезжал к врачу. Привозил меня Кучеров Афанасий. Останавливался у своей последовательницы Татьяны Петровны Просвирниной, фамилию точно не помню, живет на Песках, происходит из села Черкасы. В этот приезд

я служил одну обедню в монастырской церкви, где познакомился с Иоанникием, Нектарием и диаконом Арсением. К церкви и обратно меня возил извозчик Григорий Васильевич (Колесников – прим. авт.), живет на Поповке или Глебовке. Изложенное с моих слов записано верно, прочитано мне вслух. Калинин».

Григорий Васильевич Колесников в кругу семьи. Пенза. 1935 г.

Из следственных показаний отца Иоанна видно, что старец обладал исключительным духовным чутьем в отношении всякого рода лукавства, в том числе церковного, насквозь видел лжестарцев, людей, впавших в прелесть, каковых он обличал и отстранял от себя. К числу таковых относится Илья Кузьмин, объявивший себя «Ильей-пророком», сеявший соблазн среди верующих, блаженная Марфинька Давыдова, признавшая Кузьмина и объявившая себя «Христовой Невестой», староста коннослободской церкви Осип Плеваков, отстраненные на время от общения со старцем сестры Евдокия и Анна Кучеровы, также прельщенные Ильей Кузьминым, и другие.

Удивительным фактом является посещение отца Иоанна Оленевского племянницей святого Иоанна Кронштадтского. Выяснение личности племянницы Александры стало одной из задач поездки в Петербург. Оказалось, что у протоиерея Иоанна Ильича Сергиева были следующие племянники: Евдоким Васильевич Фиделин, его братья и сестры Александр, Петр, Наталья, Елизавета, Руфина¹⁶⁵. Упомина-

ний о племяннице Александре в известных трудах нег. Возможно, это была двоюродная племянница или племянница жены протоиерея Иоанна.

*Свято-Иоанновский монастырь.
С.-Петербург*

Во всяком случае, факт посещения отца Иоанна, упомянутый самым старцем, неопровержим и является для нас таинственным звеном, связующим двух великих русских святых.

После допроса на период следствия у старца взяли подписку о невыезде, в ней сказано следующее: «1934 года января 31 дня я нижеподписавшийся Калинин Иван Васильевич выдал настоящую подписку Пензенскому о/с (оперсектору – прим. авт.) ОГПУ в том, что обязуюсь, проживая в с. Оленевке своих последователей не принимать. Никому никаких советов не давать. Как в церкви, так и на дому никаких богослужений не совершать. За нарушение

данной подписки отвечаю по суду. Калинин». Однако 26 февраля 1934 года после медицинского освидетельствования старца, которое установило дряхлость всего организма, эмфизему легких, склероз сосудов и прочее, дело на отца Иоанна было прекращено, о чем имеется следующая запись: «На Калинина Ивана Васильевича в деле имеется достаточно компрометирующих данных, указывающих на его руководящую роль в деятельности ликвидированного к.-р. (контрреволюционного – прим. авт.) образования. Однако, учитывая данные медицинского осмотра, указывающие на то, что Калинин вследствие его болезни и преклонного возраста – 79 лет передвигаться на далекое расстояние без посторонней помощи не может, считаю, что привлечение его к ответственности будет нецелесообразно».

Тогда ни один из сотрудников ОГПУ не мог и предположить, что крайне болезненный святой старец многих из них переживет и еще в течение 20 лет будет окормлять всю Пензенскую епархию. В органах

не могли знать о том, что вплоть до 1951 года им придется отслеживать деятельность старца, предотвращать его влияние, арестовывать в третий раз, наконец, еще несколько десятилетий после его смерти, бороться с проявлением почитания святого в широких народных массах. Если бы тогда, в 1934 году органы госбезопасности знали обо всем этом, освобождение отца Иоанна вряд ли могло состояться. Они, видно, очень надеялись на его скорую самостоятельную кончину, в чем просчитались. У Небесного Отца свои пути, неизвестные не только простому человеку, но даже ОГПУ. Этим и объясняется чудесное освобождение оленевского старца, невзирая на то, что, по мнению следствия, в деле имелось достаточно доказательств его вины.